

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Орган Министерства культуры СССР и Центрального Комитета профессионального союза работников культуры

1960 ГОД
17
СЕНТЯБРЯ
СУББОТА
№ 111 (1136)
Цена 40 коп.

Рисунки М. ИШМАЕТОВА.

СОВЕТСКИЕ АРТИСТЫ ЗА РУБЕЖОМ

БАЛЕТНАЯ труппа Большого театра Союза ССР в составе более ста человек 20 сентября выезжает на гастроли в Польшу.

В беседе с нашим корреспондентом главным балетмейстером ГАБТ Л. Базаровым сообщают: Подписки артисты мы покажем балеты «Лебединое озеро» и «Тропой грома». Подготовлена также и большая концертная программа.

Польские артисты признаются с творчеством замечательных мастеров советского хореографического искусства. В поездке принимают участие О. Лепешинская, М. Плисецкая, Л. Богомолова, Е. Риббинкина, Н. Фадеева, В. Лавашев, Л. Жданов, М. Липина и многие другие. Директоровать будет Е. Светланов и А. Жорайтис. Гастроли начнутся в Варшаве 24 сентября. Затем артисты советского балета будут выступать в Лодзи и Забже.

ИЗВЕСТНАЯ советская певица З. ДОЛУХА НОВА выехала в ПОЛЬШУ. Она выступит с концертами в Варшаве, Гданьске, Вроцлаве.

Дирижер А. ГАУК, солистка М. ЯШВИЛИ, пианист Д. ПАПЕРНО выступят в этом месяце с концертами в ГЕРМАНСКОЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ.

Выдающийся советский пианист С. РИХТЕР в начале октября выедет в гастрольное турне по Соединенным Штатам Америки и Канаде. С. Рихтер даст более 25 концертов в Нью-Йорке, Вашингтоне, Бостоне, Чикаго, Сан-Франциско, Торонто, Монреале и других городах.

Артисты МОСКОВСКОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО ТЕАТРА О. АНДРЕВСКАЯ и Ю. КОЛЬЦОВ приглашены на гастроли в БОЛГАРИЮ. Мастера советского искусства выступят в Софии в спектакле «Беспорочная старость».

АКТИВНО УЧАСТВОВАТЬ В ВОСПИТАНИИ МАСС

МНОГОЧИСЛНО было 14 сентября в Центральном доме композиторов. Сюда на открытие партийного собрания объединенной партийной организации московских композиторов пришли композиторы, музыковеды, деятели искусства. Их встреча была вызвана назревшей потребностью обсудить животрепещущие вопросы, остро поставленные жизнью. — о роли советских композиторов и музыковедов в коммунистическом воспитании трудящихся.

Открывая собрание, секретарь объединенной партийной организации московских композиторов А. ТИШИНКО сказал, что Указание партии и правительства, направленные на дальнейший расцвет советского искусства, следует рассматривать как боевую программу действий для всех членов ССБ. Композиторы и музыковеды должны активнее включиться в важнейшее дело коммунистического воспитания масс.

Возвращаясь прозвучало выступление Д. Кабалевского. Оратор говорил о том, что жизнь коммунистического общества будет характеризоваться большой радиосторонностью культуры, а потому сейчас потребуются складывающиеся идеологическим воспитанием трудящихся, начиная играть особую роль.

Называя нас, творческих работников, своими помощниками, партия оказывает нам огромное доверие, говорил Д. Кабалевский. И мы должны оправдать его. Наш творческий успех всегда будет обусловлен тем, насколько тесна и крепка связь с жизнью, с народом, с партией. Советский художник-музыкант призван быть не только творцом, но и активным общественным деятелем. Композиторы еще в долгу перед народом. Его культурные запросы очень сильно выросли и продолжают расти, а мы недостаточно смелы и решительно боремся про-

На партийном собрании в Союзе композиторов

тивнее события, которыми жили и живут Советская страна и ее народ. Приход Д. Шостаковича в ряды Коммунистической партии — естественный вывод всей его большой жизни гражданина и художника советской Отчизны. Выступая перед коммунистами, Д. Шостакович, в частности, сказал:

— Я рад, что я работник композиторской организации нашей страны, что я представляю самую передовую, самую гуманистическую музыкальную культуру в мире, культуру Советской страны. Я надеюсь всем своим творчеством оправдать высокое звание коммуниста.

Собрание единодушно приняло Д. Шостаковича кандидатом в члены КПСС.

Успеха вам, Никита Сергеевич!

БЛИЗИТСЯ открытие XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Назначение Н. С. Хрущева главой советской делегации на Ассамблею, укрепляет надежды народов всего мира на успешное решение проблемы всеобщего и полного разоружения, программы которого год назад была провозглашена Никитой Сергеевичем с трибуны ООН.

Я как художник-сатирик, с нетерпением жду выступления Никиты Сергеевича Хрущева на Ассамблее. Каждый абзац его выступлений, изобилующий остротами, разоблачающими ораваниями, дерзко рождает образы для графического решения.

Одно из выступлений Н. С. Хрущева, где он говорил о необходимости выработать оружие на равных условиях, родило у меня идею создать рисунок — комментарий художника — «Вот чего ждут народы от ООН!»

Глава Советского правительства и глава правительства других миролюбивых стран предоступают упорную борьбу за то, чтобы возрождался единственно разумный в наше время принцип — принцип мирного сосуществования народов.

В эти дни мы, советские люди, твердо уверены в том, что неутомимый и стойкий боец за дело мира, наш дорогой Никита Сергеевич, как всегда, с честью выполнит свою благородную миссию.

М. АБРАМОВ, художник.

ОСНОВА СЧАСТЬЯ НА ЗЕМЛЕ

ДВИЖЕНИЕ за мир — это борьба за жизнь. Мирный труд — основа счастья на земле. Все разумные, все честные люди на земле требуют разоружения. Моя великая, могучая Родина решительно подняла голос во имя жизни, против смерти. Такова природа Советской власти, великого учения марксизма-ленинизма. И вот славный сын советского народа, несгибаемый ленинец Н. С. Хрущев направляется в ООН, чтобы во имя благополучия простых людей нашей планеты записать идею разоружения и требовать его выполнения. Врагам мира хорошо известно, что из-за слабости советский народ ратует за мир. Любовь к людям, забота о будущем народов, о цивилизации движет советским человеком.

Я позволяю себе от имени грузинского народа, дорогой Никита Сергеевич, пожелать вам успеха в вашей благородной миссии. За вами, вместе с нами все честное, все благородное, все справедливое на земле. Каждое ваше слово, каждая ваша мысль — это выражение воли и чаяний сотен миллионов честных людей мира.

Алехий ХОРАВА, народный артист СССР, депутат Верховного Совета Грузинской ССР.

Мощь СССР — залог мира

НАХОДИВШИЙСЯ в Будапеште мейн-Веймарского Совета Мира Пол Робсон заявил на встрече с журналистами, что залог мира и безопасности в мире является постоянно растущая мощь Советского Союза и стран социалистического лагеря.

Касаясь предстоящей сессии Генеральной Ассамблеи ООН и участия в ней советской делегации, возглавляемой Н. С. Хрущевым, Пол Робсон сказал:

«Я полагаю, что делегация Советского Союза и делегации стран социалистического лагеря будут успешно бороться за разоружение, что они разоблачат политику империализма в Африке, Азии и Южной Америке, а также империалистическую политику в ООН».

Пол Робсон выразил надежду, что сессия ООН наглядно покажет, что самыми злыми врагами человечества, стремящегося к миру, являются высшие американские государственные круги.

Мутал БУРХАНОВ, композитор, Ташкент.

МЕЧТА ОСУЩЕСТВИТСЯ

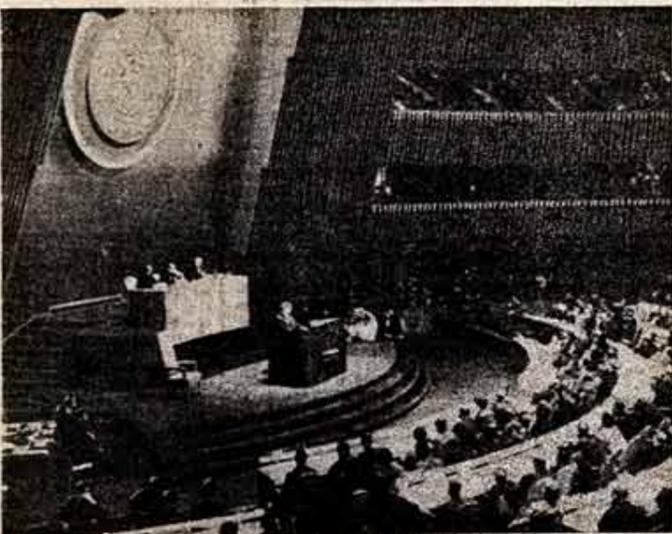
РЕШЕНИЕ Советского правительства поручить Н. С. Хрущеву возглавлять делегацию СССР на XV сессии Генеральной Ассамблеи ООН встретило всеми народами мира как новое яркое проявление постоянной и искренней заинтересованности нашей страны решать спорные вопросы мир-

ным путем, вывести из тупика проблемы полного и всеобщего разоружения.

Если давняя мечта миллионов людей осуществится — государства не будут иметь армий, оружия, — тогда все другие международные вопросы будут решаться только мирным путем. К этой цели и стремит-

ся наше родное Советское правительство, наш дорогой Никита Сергеевич Хрущев, неутомимый боевик и пропагандист великих ленинских принципов мирного сосуществования.

Мутал БУРХАНОВ, композитор, Ташкент.

Кадр из документального фильма «Разум против безумия». Исторический момент в жизни Организации Объединенных Наций. 18 сентября 1959 года. Никита Сергеевич Хрущев выносит предложение Советского правительства о всеобщем и полном разоружении.

ОТ ПЕРВОГО до последнего кадра картина «Разум против безумия» выпущенная Центральным студийным документальным фильмо-вазъем, неослабевающим интересом. Она смотрится так потому, что ее язык — страстная, умная кинопублицистика в защиту самого дорогого на земле — мира жизни.

Разум против безумия

Кинолетопись меняющегося мира

Империалистический хищник, представляющий в лице германского кайзера, французского президента, русского царя, турецкого султана... Свыше 70 миллионов человек бросили эти хищники на поля сражения. Им удалось обмануть народы своих стран, отравить сознание многих людей лживой ложью, представить преступление священной войны за отечество. Дорого, очень дорого обошлось народам этого мира. Десятки миллионов убитых и более двадцати миллионов раненых, искалеченных, отравленных — таков кровавый итог первой мировой войны.

Генуэзская конференция 1922 года, зал заседаний, где впервые капитализм открыл перед собой перспективы истинного мира, — это картина, которую мы должны помнить. Встреча оказалась не из приятных: народный комиссар Чичерин от имени Советского правительства внес предложение о всеобщем разоружении.

Никита Сергеевич Хрущев вынес предложение о всеобщем и полном разоружении. Это предложение было принято. Это предложение было принято. Это предложение было принято.

Никита Сергеевич Хрущев вынес предложение о всеобщем и полном разоружении. Это предложение было принято. Это предложение было принято. Это предложение было принято.

Никита Сергеевич Хрущев вынес предложение о всеобщем и полном разоружении. Это предложение было принято. Это предложение было принято. Это предложение было принято.

Никита Сергеевич Хрущев вынес предложение о всеобщем и полном разоружении. Это предложение было принято. Это предложение было принято. Это предложение было принято.

Я. КЕРЕМЕЦКИЙ.

Оружием сатиры

ТРУДНО было токарю завести «Борец» П. Егорова прийти в дом культуры своего родного завода. Когда в фойе висел его огромный портрет в белой сюртучной рубашке с табличкой «Осторожно! Рулетка и дебет!» А ведь парикмахеру парикмахеру же по собственным товарищам — художники-любители завода!

«Наждак» — о юности сатиры завода «Борец» — вытаскивал за ушко да на съездишке пыльную и хулигани В. Волкова, поддыр В. Севастимова и из подвальных и всех их — тумельдик — проглысликом, спекулянтос, бражделов — сплукантос лаятис на вечер «Кто не работает, тот не

есть» в дом культуры заводов «Станколит», «Борец» и «Спецстанко».

«Не в бровь, а в глаза», — говорили люди, сидящие в зрительном зале, когда на сцене выступил артист РСФСР И. Любиненко читал басни, а артисты Московской эстрады Е. Нейд и С. Зуев пели куплеты, специально подготовленные для вечера. Якобы жалея смеха разило на площад, И жалкой кучке тумельдикс и хулиганос стало невмощисно стасисно...

«Пусть горит земля под ногами тумельдикс!» — эти слова звучали в выступлениях рабочих и юристов, педагогов, врачей и деятелей искусства.

«Что ли номер, то что-то далеко от современной жизни деревни. В общем, мировой репертуру крутит!»

Может быть, и неплохо, что самодельность пробует силы и «мирровую репертуру», однако стоит ли целиком строить свои программы только на нем? Ведь, наконец, было время, когда с пьесой, песней или танцем деревню могли вознакомять лишь художественная самодельность да кино. Теперь иное. Как ни далеко от Москвы та же Курская область, а здесь можно смотреть пьесу по телевизору, слушать песню по радио! Но ведь сельскому зрителю хочется и другого. Он с большим удовольствием посмотрел бы сценки на местные темы, послушал бы песню о тех, кто трудится рядом с ним. Нельзя сказать, что этого желания у него не было раньше, оно было всегда, но тем сильнее оно, когда в деревню пришла и радиоприемник, и телевизор.

Считается ли с этим желанием самодельность? Как ни выеда выше, не всегда и не везде. Но, право же, стоит обратиться к местной жизни и обратиться по-новому — шире и глубже!

«Давайте подумать вместе... ПРЕКРАСНО для советского человека существует не только в искусстве. Он ищет его в учебе, в труде, таскает к нему в часы досуга. За примерами далеко ходить не надо: назову автора упомянутого письма. Девушка хотела петь, и она пришла в клуб.

В тот же клуб идет и зритель. И если он живет в селе, расположенном на почтительном расстоянии от культурных центров, то клуб для него тем не менее — и Большой театр, и МАХТ, и Концертный зал имени Чайковского.

Об этом можно было бы и не говорить, если бы художественная самодельность «жила для себя». Но в том-то и дело, что она имеет прямое отношение к настроению, с которым зритель покидает клуб. Моя знакомая права, когда беспокоится из-за того, что зрители не applaudируют. И уж, конечно, она права, когда призывает своих собратьев по сцене к творческому поиску, к новым возможностям самодельности искусства.

Надобен конферте зрители мало интересуют музыку, то есть, сколько труда, опыта, знаний вложил в свой номер артист. Его волнует другое: в какой мере слово артиста будет его словом, душой артиста — его душой, чувством артиста — его чувством, горечью горечи, найдут ли он в искусстве самодельность свою настоящую, большую жизнь.

Задумывались ли вы об этом, дорогой друг из Курской области? Ведь вы сами признаете:

«Вот же клуб идет и зритель. И если он живет в селе, расположенном на почтительном расстоянии от культурных центров, то клуб для него тем не менее — и Большой театр, и МАХТ, и Концертный зал имени Чайковского.

Об этом можно было бы и не говорить, если бы художественная самодельность «жила для себя». Но в том-то и дело, что она имеет прямое отношение к настроению, с которым зритель покидает клуб. Моя знакомая права, когда беспокоится из-за того, что зрители не applaudируют. И уж, конечно, она права, когда призывает своих собратьев по сцене к творческому поиску, к новым возможностям самодельности искусства.

Надобен конферте зрители мало интересуют музыку, то есть, сколько труда, опыта, знаний вложил в свой номер артист. Его волнует другое: в какой мере слово артиста будет его словом, душой артиста — его душой, чувством артиста — его чувством, горечью горечи, найдут ли он в искусстве самодельность свою настоящую, большую жизнь.

Задумывались ли вы об этом, дорогой друг из Курской области? Ведь вы сами признаете:

МЕСТНАЯ жизнь на сцене колхозного клуба... какая уютная! — иронически заметил один скептик. — Ну кому там создавать репертуру?

Конечно, взять произведения для концерта из репертуарных сборников проще, чем самому сочинять его. Но как не бывае бескрылых птиц, так нет людей без мечты, о творчестве. Миллионы пробождают в яше время к искусству, пробуют в нем свои силы. В каждом селе можно найти своих поэтов, композиторов, своих создателей эстрадного репертуара. Вот несколько примеров из жизни той же Курской области.

Замечательные артисты Пелюковского сельского клуба, что, где и как появились: комсомолка Ольга Бирюкова, там и юные участники труппы. Приглашая девушку в коллектив, и вот уже ее поэтический дар на службе у самодельности. Частушки Ольги Бирюковой стали петь со сцены клуба, на смотрах в районе и в области. И даже в Москве.

Руководитель коллектива дома культуры села Калниновка Валентина Шелева узнала, что колхозный кинотеатм Павел Колос тайно от всех пишет музыку, и уговорила его раскрыться людям. Песня и

ПРОСКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ ПОМОЩЬ ПРИШЛА ВОВРЕМЯ

«СЛОВО представляется объектом, а не предметом...» Нет, нет, мы не оговорились. Именно такую формулу-терминологию создали вождем использовать члены товарищеского суда Государственного исторического музея при разборе проступка одной из своих сотрудниц. Дело заключено в следующем: несколько лет тому назад в библиотеку музея была принята ученицей Майя Я. Скопина, исполнительная девушка, она всем пришлась по душе. Майя хорошо работала, успешно выполняла заочное отделение института. И вдруг случи-

лось непредвиденное: девушка совершила служебный проступок, выдала из библиотеки ценные книги, не оформив их так, как положено. Майя привлекла к ответственности. И вот товарищеский суд и эта фраза: «Слово представляется объектом...»

Да, конечно, Майя ошиблась. Пожимая это, она полностью признает свою вину, согласно немедленно возмещает материальный ущерб. Однако вместо того чтобы праслушаться к своему человеку, восемь лет безуспешно работавшего с ними рука об руку, товарищи из Исторического музея вынесла беспомощное решение: она настаивала на том, чтобы уволить Майю из библиотеки и запретить ей работу в любом другом книгохранилище. Читая протокол этого товарищеского суда и делу здесь: откуда эти жестокие выражения, влетевшие наконец на уголовный кодекс, почему товарищеский исторического музея сохранился вопреки и в духе этики демократических принципов и материализма? Почему, с точки зрения буквы закона она права, но в их возможности было к другим: наказать Майю, помочь ей встать на правильную дорогу? Ведь сила общественности в том жеоще и состоит, чтобы поддержать отстаивающегося человека.

Разве мало мы знаем случаев, когда коллектив, поверив провинившемуся, мог не раз убедиться в правильности своего решения и порадоваться моральному «надуловлению» товарища. Так было, например, с дирижером одного из столичных оркестров В. Г., который, приставившись к спиритному, забыл, каково это — работу, смею, творчество. Администрация была вынуждена пойти на крайнюю меру — уволить дирижера. Здесь не было нарушения нормы трудового законодательства. Все было правильно. И в то же время... Одаренный человек, в прошлом много сделавший для родного коллектива, не был безжалостен. И помню, как товарищи из оркестра упорно, с большим тактом и настойчиво боролись за судьбу В. Г., как мы, работники торгового профиля, возмущались, когда старались обобрать и помыч им. Успела дружба не быть напрасными: этот случай послужил тяжелым уроком для В. Г. И когда его, к нашей общей радости, восстановили на работе, В. Г. славно подменил.

Он плодотворно трудится, занимается общественной работой. А не противил ему товарищи руку помощи, кто знает, на какой путь привело бы его ужасное происшествие.

Часто я думаю и о другом: об авторитете руководителей творческого коллектива. Каким же высоким доверием он обладал, как часто и забываясь должен он прислушиваться к «длинному» присутствию или конкурентной организации? Ведь от того, как сложится ситуация в коллективе, как установятся взаимоотношения, устанавливаются между актерами и художественным руководителем, дирек-

цией и общественными организациями, во многом зависит творческие успехи театров, филармоний, киностудий.

Настоящий руководитель творческого коллектива — это не только хороший производственный, высококвалифицированный специалист, но и человек с большим, оттаченным сердцем. Конечно, он не должен быть наглым и сентиментальным добряком, закрывшим глаза на проступки и недостатки членов своего коллектива. Нет, у руководителя должна быть твердая рука и уверенность в правильности своих решений, основанная на требовательном, но уважительном отношении к любому человеку, как бы ни был мал значимый для служебной пост. Я говорю об этом потому, что конфликты в администрации у местных комитетов, как правило, возникают не в результате нарушения трудовых законов (хотя порой случается и это), а главным образом из-за недостаточности гуманного подхода к человеку. Вот, например, что произошло в Московском театре «Южук»: актриса В. совершила проступок, из-за которого чуть было не сорвался спектакль. Естественно, что коллектив и профессиональная организация не могли пройти мимо этого факта. Много горьких слов пришлось высказать актрисе на общем собрании, где обсуждалось ее поведение. Однако товарища по работе, учителя, что В. никогда прежде не нарушила трудовой дисциплины и не имела ни одного выговора, обратилась к директору театра тов. Воробьевой с просьбой не применять к актрисе крайних мер: она достаточно наказана и очень тяжело переживает свой проступок. Но непримиримый директор заявила: «А я не все-таки увольню!» Очень нехорошо впечатление произвело это на коллег! И так как местный комитет не дал согласия на увольнение, последовал приказ директора: перевести актрису В. в рабочие смены! Решение было чем-то странное. Дальше события развивались следующим образом: один из актеров, совершивший аналогичный проступок, был дирекцией «штрафован» без дирекции, что после этого оставалась актриса В. и далее «рабочий» сцены значило бы доказать всем «свою правду» — необходимость! И тов. Воробьева, скрепя сердце, «пробила» В. на прежнюю должность... Справедливость была восстановлена, но сколько пертраг пришлось ей преодолеть!

Деятельность профессионального работника многообразна. Но главное в ней всегда — проблема воспитания творческих работников. Члены нашего профсоюза — это представители художественной интеллигенции, бойцы идеологического фронта, и нет необходимости доказывать, с какой высокой ответственностью должны профессионалы выполнять свою работу. Чуждость, принципальность в любом, самом сложном вопросе, кровная заинтересованность в судьбе товарища — вот о чем мы никогда не должны забывать.

Т. АЛЕКСЕЕВКО.

лишь непредвиденное: девушка совершила служебный проступок, выдала из библиотеки ценные книги, не оформив их так, как положено. Майя привлекла к ответственности. И вот товарищеский суд и эта фраза: «Слово представляется объектом...»

Да, конечно, Майя ошиблась. Пожимая это, она полностью признает свою вину, согласно немедленно возмещает материальный ущерб. Однако вместо того чтобы праслушаться к своему человеку, восемь лет безуспешно работавшего с ними рука об руку, товарищи из Исторического музея вынесла беспомощное решение: она настаивала на том, чтобы уволить Майю из библиотеки и запретить ей работу в любом другом книгохранилище. Читая протокол этого товарищеского суда и делу здесь: откуда эти жестокие выражения, влетевшие наконец на уголовный кодекс, почему товарищеский исторического музея сохранился вопреки и в духе этики демократических принципов и материализма? Почему, с точки зрения буквы закона она права, но в их возможности было к другим: наказать Майю, помочь ей встать на правильную дорогу? Ведь сила общественности в том жеоще и состоит, чтобы поддержать отстаивающегося человека.

Разве мало мы знаем случаев, когда коллектив, поверив провинившемуся, мог не раз убедиться в правильности своего решения и порадоваться моральному «надуловлению» товарища. Так было, например, с дирижером одного из столичных оркестров В. Г., который, приставившись к спиритному, забыл, каково это — работу, смею, творчество. Администрация была вынуждена пойти на крайнюю меру — уволить дирижера. Здесь не было нарушения нормы трудового законодательства. Все было правильно. И в то же время... Одаренный человек, в прошлом много сделавший для родного коллектива, не был безжалостен. И помню, как товарищи из оркестра упорно, с большим тактом и настойчиво боролись за судьбу В. Г., как мы, работники торгового профиля, возмущались, когда старались обобрать и помыч им. Успела дружба не быть напрасными: этот случай послужил тяжелым уроком для В. Г. И когда его, к нашей общей радости, восстановили на работе, В. Г. славно подменил.

Он плодотворно трудится, занимается общественной работой. А не противил ему товарищи руку помощи, кто знает, на какой путь привело бы его ужасное происшествие.

Часто я думаю и о другом: об авторитете руководителей творческого коллектива. Каким же высоким доверием он обладал, как часто и забываясь должен он прислушиваться к «длинному» присутствию или конкурентной организации? Ведь от того, как сложится ситуация в коллективе, как установятся взаимоотношения, устанавливаются между актерами и художественным руководителем, дирек-

лишь непредвиденное: девушка совершила служебный проступок, выдала из библиотеки ценные книги, не оформив их так, как положено. Майя привлекла к ответственности. И вот товарищеский суд и эта фраза: «Слово представляется объектом...»

Да, конечно, Майя ошиблась. Пожимая это, она полностью признает свою вину, согласно немедленно возмещает материальный ущерб. Однако вместо того чтобы праслушаться к своему человеку, восемь лет безуспешно работавшего с ними рука об руку, товарищи из Исторического музея вынесла беспомощное решение: она настаивала на том, чтобы уволить Майю из библиотеки и запретить ей работу в любом другом книгохранилище. Читая протокол этого товарищеского суда и делу здесь: откуда эти жестокие выражения, влетевшие наконец на уголовный кодекс, почему товарищеский исторического музея сохранился вопреки и в духе этики демократических принципов и материализма? Почему, с точки зрения буквы закона она права, но в их возможности было к другим: наказать Майю, помочь ей встать на правильную дорогу? Ведь сила общественности в том жеоще и состоит, чтобы поддержать отстаивающегося человека.

Разве мало мы знаем случаев, когда коллектив, поверив провинившемуся, мог не раз убедиться в правильности своего решения и порадоваться моральному «надуловлению» товарища. Так было, например, с дирижером одного из столичных оркестров В. Г., который, приставившись к спиритному, забыл, каково это — работу, смею, творчество. Администрация была вынуждена пойти на крайнюю меру — уволить дирижера. Здесь не было нарушения нормы трудового законодательства. Все было правильно. И в то же время... Одаренный человек, в прошлом много сделавший для родного коллектива, не был безжалостен. И помню, как товарищи из оркестра упорно, с большим тактом и настойчиво боролись за судьбу В. Г., как мы, работники торгового профиля, возмущались, когда старались обобрать и помыч им. Успела дружба не быть напрасными: этот случай послужил тяжелым уроком для В. Г. И когда его, к нашей общей радости, восстановили на работе, В. Г. славно подменил.

Он плодотворно трудится, занимается общественной работой. А не противил ему товарищи руку помощи, кто знает, на какой путь привело бы его ужасное происшествие.

Часто я думаю и о другом: об авторитете руководителей творческого коллектива. Каким же высоким доверием он обладал, как часто и забываясь должен он прислушиваться к «длинному» присутствию или конкурентной организации? Ведь от того, как сложится ситуация в коллективе, как установятся взаимоотношения, устанавливаются между актерами и художественным руководителем, дирек-

лишь непредвиденное: девушка совершила служебный проступок, выдала из библиотеки ценные книги, не оформив их так, как положено. Майя привлекла к ответственности. И вот товарищеский суд и эта фраза: «Слово представляется объектом...»

Да, конечно, Майя ошиблась. Пожимая это, она полностью признает свою вину, согласно немедленно возмещает материальный ущерб. Однако вместо того чтобы праслушаться к своему человеку, восемь лет безуспешно работавшего с ними рука об руку, товарищи из Исторического музея вынесла беспомощное решение: она настаивала на том, чтобы уволить Майю из библиотеки и запретить ей работу в любом другом книгохранилище. Читая протокол этого товарищеского суда и делу здесь: откуда эти жестокие выражения, влетевшие наконец на уголовный кодекс, почему товарищеский исторического музея сохранился вопреки и в духе этики демократических принципов и материализма? Почему, с точки зрения буквы закона она права, но в их возможности было к другим: наказать Майю, помочь ей встать на правильную дорогу? Ведь сила общественности в том жеоще и состоит, чтобы поддержать отстаивающегося человека.

Разве мало мы знаем случаев, когда коллектив, поверив провинившемуся, мог не раз убедиться в правильности своего решения и порадоваться моральному «надуловлению» товарища. Так было, например, с дирижером одного из столичных оркестров В. Г., который, приставившись к спиритному, забыл, каково это — работу, смею, творчество. Администрация была вынуждена пойти на крайнюю меру — уволить дирижера. Здесь не было нарушения нормы трудового законодательства. Все было правильно. И в то же время... Одаренный человек, в прошлом много сделавший для родного коллектива, не был безжалостен. И помню, как товарищи из оркестра упорно, с большим тактом и настойчиво боролись за судьбу В. Г., как мы, работники торгового профиля, возмущались, когда старались обобрать и помыч им. Успела дружба не быть напрасными: этот случай послужил тяжелым уроком для В. Г. И когда его, к нашей общей радости, восстановили на работе, В. Г. славно подменил.

Он плодотворно трудится, занимается общественной работой. А не противил ему товарищи руку помощи, кто знает, на какой путь привело бы его ужасное происшествие.

Часто я думаю и о другом: об авторитете руководителей творческого коллектива. Каким же высоким доверием он обладал, как часто и забываясь должен он прислушиваться к «длинному» присутствию или конкурентной организации? Ведь от того, как сложится ситуация в коллективе, как установятся взаимоотношения, устанавливаются между актерами и художественным руководителем, дирек-

лишь непредвиденное: девушка совершила служебный проступок, выдала из библиотеки ценные книги, не оформив их так, как положено. Майя привлекла к ответственности. И вот товарищеский суд и эта фраза: «Слово представляется объектом...»

Да, конечно, Майя ошиблась. Пожимая это, она полностью признает свою вину, согласно немедленно возмещает материальный ущерб. Однако вместо того чтобы праслушаться к своему человеку, восемь лет безуспешно работавшего с ними рука об руку, товарищи из Исторического музея вынесла беспомощное решение: она настаивала на том, чтобы уволить Майю из библиотеки и запретить ей работу в любом другом книгохранилище. Читая протокол этого товарищеского суда и делу здесь: откуда эти жестокие выражения, влетевшие наконец на уголовный кодекс, почему товарищеский исторического музея сохранился вопреки и в духе этики демократических принципов и материализма? Почему, с точки зрения буквы закона она права, но в их возможности было к другим: наказать Майю, помочь ей встать на правильную дорогу? Ведь сила общественности в том жеоще и состоит, чтобы поддержать отстаивающегося человека.

Разве мало мы знаем случаев, когда коллектив, поверив провинившемуся, мог не раз убедиться в правильности своего решения и порадоваться моральному «надуловлению» товарища. Так было, например, с дирижером одного из столичных оркестров В. Г., который, приставившись к спиритному, забыл, каково это — работу, смею, творчество. Администрация была вынуждена пойти на крайнюю меру — уволить дирижера. Здесь не было нарушения нормы трудового законодательства. Все было правильно. И в то же время... Одаренный человек, в прошлом много сделавший для родного коллектива, не был безжалостен. И помню, как товарищи из оркестра упорно, с большим тактом и настойчиво боролись за судьбу В. Г., как мы, работники торгового профиля, возмущались, когда старались обобрать и помыч им. Успела дружба не быть напрасными: этот случай послужил тяжелым уроком для В. Г. И когда его, к нашей общей радости, восстановили на работе, В. Г. славно подменил.

Он плодотворно трудится, занимается общественной работой. А не противил ему товарищи руку помощи, кто знает, на какой путь привело бы его ужасное происшествие.

Часто я думаю и о другом: об авторитете руководителей творческого коллектива. Каким же высоким доверием он обладал, как часто и забываясь должен он прислушиваться к «длинному» присутствию или конкурентной организации? Ведь от того, как сложится ситуация в коллективе, как установятся взаимоотношения, устанавливаются между актерами и художественным руководителем, дирек-

лишь непредвиденное: девушка совершила служебный проступок, выдала из библиотеки ценные книги, не оформив их так, как положено. Майя привлекла к ответственности. И вот товарищеский суд и эта фраза: «Слово представляется объектом...»

Да, конечно, Майя ошиблась. Пожимая это, она полностью признает свою вину, согласно немедленно возмещает материальный ущерб. Однако вместо того чтобы праслушаться к своему человеку, восемь лет безуспешно работавшего с ними рука об руку, товарищи из Исторического музея вынесла беспомощное решение: она настаивала на том, чтобы уволить Майю из библиотеки и запретить ей работу в любом другом книгохранилище. Читая протокол этого товарищеского суда и делу здесь: откуда эти жестокие выражения, влетевшие наконец на уголовный кодекс, почему товарищеский исторического музея сохранился вопреки и в духе этики демократических принципов и материализма? Почему, с точки зрения буквы закона она права, но в их возможности было к другим: наказать Майю, помочь ей встать на правильную дорогу? Ведь сила общественности в том жеоще и состоит, чтобы поддержать отстаивающегося человека.

Разве мало мы знаем случаев, когда коллектив, поверив провинившемуся, мог не раз убедиться в правильности своего решения и порадоваться моральному «надуловлению» товарища. Так было, например, с дирижером одного из столичных оркестров В. Г., который, приставившись к спиритному, забыл, каково это — работу, смею, творчество. Администрация была вынуждена пойти на крайнюю меру — уволить дирижера. Здесь не было нарушения нормы трудового законодательства. Все было правильно. И в то же время... Одаренный человек, в прошлом много сделавший для родного коллектива, не был безжалостен. И помню, как товарищи из оркестра упорно, с большим тактом и настойчиво боролись за судьбу В. Г., как мы, работники торгового профиля, возмущались, когда старались обобрать и помыч им. Успела дружба не быть напрасными: этот случай послужил тяжелым уроком для В. Г. И когда его, к нашей общей радости, восстановили на работе, В. Г. славно подменил.

Он плодотворно трудится, занимается общественной работой. А не противил ему товарищи руку помощи, кто знает, на какой путь привело бы его ужасное происшествие.

Часто я думаю и о другом: об авторитете руководителей творческого коллектива. Каким же высоким доверием он обладал, как часто и забываясь должен он прислушиваться к «длинному» присутствию или конкурентной организации? Ведь от того, как сложится ситуация в коллективе, как установятся взаимоотношения, устанавливаются между актерами и художественным руководителем, дирек-

лишь непредвиденное: девушка совершила служебный проступок, выдала из библиотеки ценные книги, не оформив их так, как положено. Майя привлекла к ответственности. И вот товарищеский суд и эта фраза: «Слово представляется объектом...»

Да, конечно, Майя ошиблась. Пожимая это, она полностью признает свою вину, согласно немедленно возмещает материальный ущерб. Однако вместо того чтобы праслушаться к своему человеку, восемь лет безуспешно работавшего с ними рука об руку, товарищи из Исторического музея вынесла беспомощное решение: она настаивала на том, чтобы уволить Майю из библиотеки и запретить ей работу в любом другом книгохранилище. Читая протокол этого товарищеского суда и делу здесь: откуда эти жестокие выражения, влетевшие наконец на уголовный кодекс, почему товарищеский исторического музея сохранился вопреки и в духе этики демократических принципов и материализма? Почему, с точки зрения буквы закона она права, но в их возможности было к другим: наказать Майю, помочь ей встать на правильную дорогу? Ведь сила общественности в том жеоще и состоит, чтобы поддержать отстаивающегося человека.

Разве мало мы знаем случаев, когда коллектив, поверив провинившемуся, мог не раз убедиться в правильности своего решения и порадоваться моральному «надуловлению» товарища. Так было, например, с дирижером одного из столичных оркестров В. Г., который, приставившись к спиритному, забыл, каково это — работу, смею, творчество. Администрация была вынуждена пойти на крайнюю меру — уволить дирижера. Здесь не было нарушения нормы трудового законодательства. Все было правильно. И в то же время... Одаренный человек, в прошлом много сделавший для родного коллектива, не был безжалостен. И помню, как товарищи из оркестра упорно, с большим тактом и настойчиво боролись за судьбу В. Г., как мы, работники торгового профиля, возмущались, когда старались обобрать и помыч им. Успела дружба не быть напрасными: этот случай послужил тяжелым уроком для В. Г. И когда его, к нашей общей радости, восстановили на работе, В. Г. славно подменил.

Он плодотворно трудится, занимается общественной работой. А не противил ему товарищи руку помощи, кто знает, на какой путь привело бы его ужасное происшествие.

Часто я думаю и о другом: об авторитете руководителей творческого коллектива. Каким же высоким доверием он обладал, как часто и забываясь должен он прислушиваться к «длинному» присутствию или конкурентной организации? Ведь от того, как сложится ситуация в коллективе, как установятся взаимоотношения, устанавливаются между актерами и художественным руководителем, дирек-

лишь непредвиденное: девушка совершила служебный проступок, выдала из библиотеки ценные книги, не оформив их так, как положено. Майя привлекла к ответственности. И вот товарищеский суд и эта фраза: «Слово представляется объектом...»

Да, конечно, Майя ошиблась. Пожимая это, она полностью признает свою вину, согласно немедленно возмещает материальный ущерб. Однако вместо того чтобы праслушаться к своему человеку, восемь лет безуспешно работавшего с ними рука об руку, товарищи из Исторического музея вынесла беспомощное решение: она настаивала на том, чтобы уволить Майю из библиотеки и запретить ей работу в любом другом книгохранилище. Читая протокол этого товарищеского суда и делу здесь: откуда эти жестокие выражения, влетевшие наконец на уголовный кодекс, почему товарищеский исторического музея сохранился вопреки и в духе этики демократических принципов и материализма? Почему, с точки зрения буквы закона она права, но в их возможности было к другим: наказать Майю, помочь ей встать на правильную дорогу? Ведь сила общественности в том жеоще и состоит, чтобы поддержать отстаивающегося человека.

Разве мало мы знаем случаев, когда коллектив, поверив провинившемуся, мог не раз убедиться в правильности своего решения и порадоваться моральному «надуловлению» товарища. Так было, например, с дирижером одного из столичных оркестров В. Г., который, приставившись к спиритному, забыл, каково это — работу, смею, творчество. Администрация была вынуждена пойти на крайнюю меру — уволить дирижера. Здесь не было нарушения нормы трудового законодательства. Все было правильно. И в то же время... Одаренный человек, в прошлом много сделавший для родного коллектива, не был безжалостен. И помню, как товарищи из оркестра упорно, с большим тактом и настойчиво боролись за судьбу В. Г., как мы, работники торгового профиля, возмущались, когда старались обобрать и помыч им. Успела дружба не быть напрасными: этот случай послужил тяжелым уроком для В. Г. И когда его, к нашей общей радости, восстановили на работе, В. Г. славно подменил.

Он плодотворно трудится, занимается общественной работой. А не противил ему товарищи руку помощи, кто знает, на какой путь привело бы его ужасное происшествие.

Часто я думаю и о другом: об авторитете руководителей творческого коллектива. Каким же высоким доверием он обладал, как часто и забываясь должен он прислушиваться к «длинному» присутствию или конкурентной организации? Ведь от того, как сложится ситуация в коллективе, как установятся взаимоотношения, устанавливаются между актерами и художественным руководителем, дирек-

НАВСТРЕЧУ ДЕКАДЕ УКРАИНСКОГО ИСКУССТВА И ЛИТЕРАТУРЫ

Д ОБРАЯ слава идет о металлургах Днепродзержинского завода имени Дзержинского. Замечательно трудятся здесь хлопцы и девчата — по-коммунистически! Учат они работать, умеют и хорошо отдыхать. Когда заводит речь о дзержинцах — их приятно слышать и не называя, как завод талантов. И это действительно так: в каждом отделении есть свои артисты, танцоры, декламаторы.

На снимке: участники заводской капеллы Бандурствот УССР — машинист электрика новопокровного цеха А. Васильев, машинист перевозов транспортного цеха В. Матвеев и помощник машиниста цеха № 3 К. Ещенко исполняют песню «Варяхово, мети мою».

Фото Я. ДАВЫДОНА.

ФЕЛЕТОН ЗАЛИВНОЕ С РОК-Н-РОЛЛОМ

СРЕДИ МУЗЫКОВЕДОВ давно замечено, что взгляд директоров ресторанов на музыку до сих пор не изучен, не обобщен. А жаль! Послушаем одного такого директора, второго и третьего «наблюдателей»: сколько же непосредственно, оригинально в их миссиях, сколько дерзости в ображениях относительно музыкального прирыва к любому блюду! Один заявлял, например, что окрестка отлично обмывается под звуки контрабаса, другие говорят, что дробь барабана повышает спрос на канкаские шашлыки, в звуки саксофона неудержимо влекут человека к спиритному.

Впрочем, обратимся к фактам.

Директор ресторана «Мая» в Геленджике, Лазарь Науменов, радио прямо скажет, презащел своих коллег в познании «тайственной» связи между гармонией звуков и меню. Заметив у посетителя ресторана равнодушие к тому или иному блюду, Лазарь Науменов тотчас подает голос мастера: — Лена, выручай! Этого что-нибудь долькается...

Среди музыковедов давно замечено, что взгляд директоров ресторанов на музыку до сих пор не изучен, не обобщен. А жаль! Послушаем одного такого директора, второго и третьего «наблюдателей»: сколько же непосредственно, оригинально в их миссиях, сколько дерзости в ображениях относительно музыкального прирыва к любому блюду! Один заявлял, например, что окрестка отлично обмывается под звуки контрабаса, другие говорят, что дробь барабана повышает спрос на канкаские шашлыки, в звуки саксофона неудержимо влекут человека к спиритному.

Впрочем, обратимся к фактам.

Директор ресторана «Мая» в Геленджике, Лазарь Науменов, радио прямо скажет, презащел своих коллег в познании «тайственной» связи между гармонией звуков и меню. Заметив у посетителя ресторана равнодушие к тому или иному блюду, Лазарь Науменов тотчас подает голос мастера: — Лена, выручай! Этого что-нибудь долькается...

Среди музыковедов давно замечено, что взгляд директоров ресторанов на музыку до сих пор не изучен, не обобщен. А жаль! Послушаем одного такого директора, второго и третьего «наблюдателей»: сколько же непосредственно, оригинально в их миссиях, сколько дерзости в ображениях относительно музыкального прирыва к любому блюду! Один заявлял, например, что окрестка отлично обмыывается под звуки контрабаса, другие говорят, что дробь барабана повышает спрос на канкаские шашлыки, в звуки саксофона неудержимо влекут человека к спиритному.

Впрочем, обратимся к фактам.

Директор ресторана «Мая» в Геленджике, Лазарь Науменов, радио прямо скажет, презащел своих коллег в познании «тайственной» связи между гармонией звуков и меню. Заметив у посетителя ресторана равнодушие к тому или иному блюду, Лазарь Науменов тотчас подает голос мастера: — Лена, выручай! Этого что-нибудь долькается...

Среди музыковедов давно замечено, что взгляд директоров ресторанов на музыку до сих пор не изучен, не обобщен. А жаль! Послушаем одного такого директора, второго и третьего «наблюдателей»: сколько же непосредственно, оригинально в их миссиях, сколько дерзости в ображениях относительно музыкального прирыва к любому блюду! Один заявлял, например, что окрестка отлично обмыывается под звуки контрабаса, другие говорят, что дробь барабана повышает спрос на канкаские шашлыки, в звуки саксофона неудержимо влекут человека к спиритному.

Впрочем, обратимся к фактам.

Директор ресторана «Мая» в Геленджике, Лазарь Науменов, радио прямо скажет, презащел своих коллег в познании «тайственной» связи между гармонией звуков и меню. Заметив у посетителя ресторана равнодушие к тому или иному блюду, Лазарь Науменов тотчас подает голос мастера: — Лена, выручай! Этого что-нибудь долькается...

Среди музыковедов давно замечено, что взгляд директоров ресторанов на музыку до сих пор не изучен, не обобщен. А жаль! Послушаем одного такого директора, второго и третьего «наблюдателей»: сколько же непосредственно, оригинально в их миссиях, сколько дерзости в ображениях относительно музыкального прирыва к любому блюду! Один заявлял, например, что окрестка отлично обмыывается под звуки контрабаса, другие говорят, что дробь барабана повышает спрос на канкаские шашлыки, в звуки саксофона неудержимо влекут человека к спиритному.

Впрочем, обратимся к фактам.

Директор ресторана «Мая» в Геленджике, Лазарь Науменов, радио прямо скажет, презащел своих коллег в познании «тайственной» связи между гармонией звуков и меню. Заметив у посетителя ресторана равнодушие к тому или иному блюду, Лазарь Науменов тотчас подает голос мастера: — Лена, выручай! Этого что-нибудь долькается...

Среди музыковедов давно замечено, что взгляд директоров ресторанов на музыку до сих пор не изучен, не обобщен. А жаль! Послушаем одного такого директора, второго и третьего «наблюдателей»: сколько же непосредственно, оригинально в их миссиях, сколько дерзости в ображениях относительно музыкального прирыва к любому блюду! Один заявлял, например, что окрестка отлично обмыывается под звуки контрабаса, другие говорят, что дробь барабана повышает спрос на канкаские шашлыки, в звуки саксофона неудержимо влекут человека к спиритному.

Впрочем, обратимся к фактам.

Директор ресторана «Мая» в Геленджике, Лазарь Науменов, радио прямо скажет, презащел своих коллег в познании «тайственной» связи между гармонией звуков и меню. Заметив у посетителя ресторана равнодушие к тому или иному блюду, Лазарь Науменов тотчас подает голос мастера: — Лена, выручай! Этого что-нибудь долькается...

СЕЛЬСКИЙ КЛУБ ВСЕ ВНИМАНИЕ ЧЕЛОВЕКУ ТРУДА!

ПЕРЕДО мной письмо. Пишет участница художественной самодельности одного сельского клуба из Курской области.

«Вчерами собираемся в клубе, репетируем и в общем довольно своим творчеством. Одно беспокоит: порой applaudируют нам, что называется, из вежливости. Почему? Одни говорят: репертуру беловатая. Другие: «нет у нас Рабинных и Максаканов». Конечно, в какой-то степени мои товарищи правы, но ведь эти люди провала оправдать не могут! И хочется возразить своим друзьям, указать им на резервы самодельного искусства, которые способствовали бы его дальнейшему развитию, повышению идейного уровня и мастерства. Но как эти резервы выявить? Где они?»

Давайте подумать вместе... ПРЕКРАСНО для советского человека существует не только в искусстве. Он ищет его в учебе, в труде, таскает к нему в часы досуга. За примерами далеко ходить не надо: назову автора упомянутого письма. Девушка хотела петь, и она пришла в клуб.

В тот же клуб идет и зритель. И если он живет в селе, расположенном на почтительном расстоянии от культурных центров, то клуб для него тем не менее — и Большой театр, и МАХТ, и Концертный зал имени Чайковского.

Об этом можно было бы и не говорить, если бы художественная самодельность «жила для себя». Но в том-то и дело, что она имеет прямое отношение к настроению, с которым зритель покидает клуб. Моя знакомая права, когда беспокоится из-за того, что зрители не applaudируют. И уж, конечно, она права, когда призывает своих собратьев по сцене к творческому поиску, к новым возможностям самодельности искусства.

Надобен конферте зрители мало интересуют музыку, то есть, сколько труда, опыта, знаний вложил в свой номер артист. Его волнует другое: в какой мере слово артиста будет его словом, душой артиста — его душой, чувством артиста — его чувством, горечью горечи, найдут ли он в искусстве самодельность свою настоящую, большую жизнь.

Задумывались ли вы об этом, дорогой друг из Курской области? Ведь вы сами признаете:

Давайте подумать вместе... ПРЕКРАСНО для советского человека существует не только в искусстве. Он ищет его в учебе, в труде, таскает к нему в часы досуга. За примерами далеко ходить не надо: назову автора упомянутого письма. Девушка хотела петь, и она пришла в клуб.

В тот же клуб идет и зритель. И если он живет в селе, расположенном на почтительном расстоянии от культурных центров, то клуб для него тем не менее — и Большой театр, и МАХТ, и Концертный зал имени Чайковского.

Об этом можно было бы и не говорить, если бы художественная самодельность «жила для себя». Но в том-то и дело, что она имеет прямое отношение к настроению, с которым зритель покидает клуб. Моя знакомая права, когда беспокоится из-за того, что зрители не applaudируют. И уж, конечно, она права, когда призывает своих собратьев по сцене к творческому поиску, к новым возможностям самодельности искусства.

Надобен конферте зрители мало интересуют музыку, то есть, сколько труда, опыта, знаний вложил в свой номер артист. Его волнует другое: в какой мере слово артиста будет его словом, душой артиста — его душой, чувством артиста — его чувством, горечью горечи, найдут ли он в искусстве самодельность свою настоящую, большую жизнь.

Задумывались ли вы об этом, дорогой друг из Курской области? Ведь вы сами признаете:

МЕСТНАЯ жизнь на сцене колхозного клуба... какая уютная! — иронически заметил один скептик. — Ну кому там создавать репертуру?

Конечно, взять произведения для концерта из репертуарных сборников проще, чем самому сочинять его. Но как не бывае бескрылых птиц, так нет людей без мечты, о творчестве. Миллионы пробождают в яше время к искусству, пробуют в нем свои силы. В каждом селе можно найти своих поэтов, композиторов, своих создателей эстрадного репертуара. Вот несколько примеров из жизни той же Курской области.

Замечательные артисты Пелюковского сельского клуба, что, где и как появились: комсомолка Ольга Бирюкова,

